

СЛОВО КАК ЦЕННОСТЬ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В.А. Маслова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Понимание ценности как значимости, актуальности для языкового сознания той или иной категории, получающей позитивную оценку в лингвокультуре, дает основание для лингвистического подхода к изучению ценностей культуры.

Целью нашей статьи является подход к *слову* как ключевой ценности любой культуры.

Материал и методы. Материалом для статьи стали теоретические работы по слову (лексикология), а также поэтические тексты, посвященные слову. В качестве методов использовались наблюдение, комментирование материалов и их качественный анализ.

Результаты и их обсуждение. Слово – одна из важнейших ценностей любого народа. «В начале было Слово...» – это утверждение и его ценности, и творческой силы, и начала всего сущего. В подтверждение важности и силы слова можно привести стихотворение Ивана Бунина «Слово»:

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь письмена....*

Слово сформировалось в результате культурно-исторического развития народа. Слово имеет свое значение, а, будучи помещенным в текст, и смысл, отражает факт мира (реального или воображаемого), обладает силой и живет в некотором смысле своей жизнью, независимой то человека. Не случайно В.А. Звегинцев писал: «Даже тогда, когда язык как будто удается подчинить жестким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру. Главный же свой секрет он прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [1, с. 301].

Отсюда следует, что язык силен своей глубиной, глубинными механизмами, которые почти не исследованы на сегодняшний день, хотя примеров, подтверждающих наличие таких механизмов множество: *брать горлом* (добиваться чего-либо криком), *брать грудью* (побеждать сильным напором), *брать за душу* (волновать). Выделенные фразеологизмы (напомним, что фразеологизмы – душа любого языка) на уровне поверхностного смысла должны быть сходны, т.к. общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы, которые формируются при участии культуры, создают возможность для репрезентации разных сфер деятельности человека – физических действий (*брать грудью*), эмоциональных состояний (*брать за душу*) и т.д. Становится понятным, что современная лингвистика, чтобы ответить на свой главный вопрос «почему», (т.к. на вопросы «что» и «как» уже получены исчерпывающие ответы) должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов, но без использования данных других областей знаний, ей это не под силу.

Что это за смыслы? Это бессознательная часть психики, где смыслы отличаются от рациональных и по организации (отсутствие каузации) и по сущностным характеристикам. Так обрисуется мир иррационального, Несказанного, перед которым и язык и сознание бессильны, но именно язык и сознание освещают собой те содержания, что лежат за порогом сознания. Это порождает у носителей языка ощущение недосказанности, существования где-то за словом большей мысли, чем та, что выражена эксплицитно. Происходит как бы затмение интеллектуального света человеческого духа и разума, ставка на все неясное и непонятное делает человек пленником «бездны», игрушкой чудовищных сновидений, всего иррационального.

В. Гумбольдт впервые четко обозначил ряд ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов - смыслов, лежащих за пределами слова. Он сформулировал мысль о том, что смыслы независимы и первичны по отношению к языку. Этим он придал миру смыслов статус независимого объекта, предвосхитив некоторые идеи З. Фрейда и К.Г. Юнга, а также представления современных исследователей (Т. Нагель, Т.В. Черниговская, Ж.И. Резникова и др.).

В. Гумбольдт отметил сокрытость этих смыслов от человеческого рассудка, а кроме того, он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство: хотя язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть: «...человек чувствует и знает, что язык

для него – только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с помощью языка. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью» [2, с. 87].

По мере того, как слова утрачивают свои истинные значения, они лишаются ценности, а вместе с ними теряют ценность и выражаемые этими словами понятия. И в этом смысле мы станем жертвой языка.

Даже самые обычные слова в языке многократно переосмысливаются. Так, *прелесть* первоначально – это *пре-лесть*, т.е. нечистая, дьявольская вещь, со второй половины XX века *прелестный* – высшая степень *прекрасного*, в XXI веке мы снова постепенно возвращаемся к первичному значению. Как тут не вспомнить известное изречение Стендаля: «Слово – зеркало. И если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола» (Стендаль).

Слово – метод концентрации энергии духа, как считал П.А. Флоренский, в нем заложена необыкновенная суггестивная мощь (см. работу И.Ю. Черепановой «Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика»). Поэты это увидели раньше ученых:

Солнце останавливали словом,

Словом разрушали города (Н.С. Гумилев).

Особенно поражают взаимодействия слов, рождающие новые необычные смыслы. Наблюдения над «поведением» слова в тексте позволили А.С. Пушкину сказать о том, что «язык неистощим в соединении слов».

Наблюдение над необычными соединениями слов, поиски механизмов этих явлений, попытка объяснить их причины позволяют выделить несколько общих закономерностей: во-первых, можно отметить такой механизм, в основе которого лежит явление синестезии, – *серая нежность тумана* (М. Кузмин), *красный зов зари* (А. Блок), *трава шептала сонно зеленые слова* (Ф.Сологуб); во-вторых, механизм, основывающийся на феномене неожиданного, который был описан Р.О. Якобсоном: *рыбий жир фонарей* (О. Мандельштам), *платье мое белое заплакано вином* (Б. Ахмадулина); в-третьих, механизм, реализацией которого является антропоцентрический подход к миру – видение мира сквозь призму человека, его тела: *Упругие, тугие мышцы ветра / натягивают кожу парусов* (В. Высоцкий), *сытый плакат* (Р. Рождественский), *бешенный пульс* (Б. Ахмадулина).

Было установлено, что чем больше семантическая дистанция между словами, тем сильнее их влияние на реципиента: *душепогубный цвет* (Б. Ахмадулина), *костер рябины красной* (С. Есенин), *пергаментные речи* (А. Блок).

Заключение. Таким образом, поэт, взяв обычные, всем известные слова, располагает их так, как никто другой расположить не может. «Поэзия есть искусство слова, и действие, производимое ею, есть тайнодействие слова», – писал А.А. Потебня [3, с. 61]. О магии слова писал также П.А. Флоренский, слово, с его точки зрения, может концентрировать в едином фокусе историческую волю целого народа. Слово преобразует мировой хаос в гармонию. В слове целый мир культуры.

1. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев – М. : МГУ, 1996. – 480 с.
2. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
3. Потебня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.

НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ И НОМИНАЦИЯ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ВНУТРИ ПОСЕЛЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

А.М. Мезенко
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Исследование урбанонимов и виконимов, мотивированных названиями месяцев, как онимных единиц, представляющих отдельный сектор топонимного пространства, получивший термин конлокационимия, имеет важное значение для определения внутриселенческих процессов, выявления номинативных особенностей и общих закономерностей.